

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

11

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

137

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

299

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

399

Эпилог

453

Дорогой бабуле и дорогому Жану

Памяти Владимира Дмитриевича

И не надо думать, будто война, какой бы оправданной она ни была, может быть не преступной. Спросите об этом пехоту, спросите мертвых.

Эрнест Хемингуэй
Предисловие к “Сокровищу свободного мира”*

* Хемингуэй Э. Предисловие к антологии “Сокровище свободного мира” // Он же. *Старый газетчик пишет...* / Пер. Б. Грибанова. М.: Прогресс, 1983. С. 213.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

— 1 —

Пусть все отцы в мире, готовясь уйти от нас, знают, в какой опасности мы остаемся без них.

Они научили нас ходить — мы не сможем больше ходить.

Они научили нас говорить — мы не сможем больше говорить.

Они научили нас жить — мы больше не сможем жить.

Они научили нас, как стать людьми, — мы уже не станем людьми. Мы превратимся в ничто.

На заре они сидели курили, глядя в черное небо, что танцевало над Англией. И Пэл читал свои стихи. Под покровом ночи он вспоминал отца.

В темноте на пригорке, где они собрались, мерцали красные точки сигарет. Они привыкли курить здесь перед рассветом. Они курили, чтобы быть вместе, курили, чтобы не ослабеть, курили, чтобы не забывать: они люди.

Толстяк шастал по кустам, будто бродячий пес, твяканием распугивая мышей в росистой траве. Пэл сердился на мнимого пса:

— Кончай, Толстяк! Сегодня надо грустить!

После третьего окрика Толстяк утомился; надувшись, как ребенок, он обошел полукруг из десятка фигур и уселся к тем, кто молчал, — между Жабой, вечно унылым, и Сливой, бедным заикой, тайным любителем слов.

— О чем думаешь, Пэл? — спросил Толстяк.

— О разном...

— О плохом не думай, думай о хорошем.

И мясистая, пухлая рука Толстяка нащупала плечо товарища.

Их позвали с крыльца старого дома, стоявшего напротив. Скоро начнется боевая подготовка. Все вскочили. Пэл на миг задержался, вслушиваясь в шепот тумана. Он снова вспоминал свой отъезд из Парижа. Он думал о нем без конца, каждый вечер, каждое утро. Особенно по утрам. Сегодня как раз два месяца с тех пор, как он уехал.

Это случилось в начале сентября, на пороге осени. Пэл не мог бездействовать: надо защищать людей, защищать отцов и своего отца, — а ведь несколько лет назад, в тот день, когда судьба лишила его матери, он поклялся, что никогда не оставит отца одного. Хороший сын и одинокий вдовец. Но война добралась до них, и Пэл выбрал оружие, а значит, принял решение покинуть отца. Он знал об отъезде уже в августе, но сказать ему не было сил. Трус. Набрался храбрости и попрощался лишь накануне отъезда, после ужина.

— Почему ты? — задохнулся отец.

— Потому что если не я, то никто.

Лицо отца светилось любовью и мукой, он обнял сына, чтобы придать ему мужества.

Отец проплакал всю ночь, затаившись в своей комнате: плакал от грусти, но считал, что его двадцатидвухлет-

ний сын — самый храбрый мальчик. Пэл стоял под дверью, слушал его рыдания. И, внезапно возненавидев себя за то, что заставил плакать отца, до крови рассек грудь острием перочинного ножа. Встал перед зеркалом, посмотрел на рану, обругал себя и еще углубил разрез у сердца, чтобы рубец не исчез никогда.

Назавтра, на заре, отец бродил по квартире в халате, с растерзанным сердцем. Он сварил крепкий кофе. Пэл сидел за кухонным столом в ботинках и шапке, пил кофе — медленно, оттягивая разлуку. Это был лучший кофе в его жизни.

— Ты одежду хорошую взял? — спросил отец, указывая на сумку, которую сын собирался взять с собой.

— Да.

— Дай я проверю. Тебе нужны теплые вещи, зима будет холодной.

И отец положил туда еще какую-то одежду, колбасу, сыр и немного денег. Потом вытащил все и трижды укладывал заново: “Сейчас уложу получше”, — твердил он в попытке отвести неумолимую судьбу. А когда тянуть дольше стало невозможно, отдался тоске и отчаянию:

— Что же будет со мной?

— Я скоро вернусь.

— Как же мне страшно за тебя!

— Не надо...

— Мне будет страшно каждый день!

Да, он не станет есть, он не станет спать, пока сын не вернется. Отныне он будет несчастнейшим из людей.

— Ты мне напишешь?

— Конечно, папа.

— А я буду ждать тебя. Всегда.

Он прижал сына к груди.